
«Русская идея» Вяч. Иванова в контексте его философии культуры: опыт прочтения «Повести о Светомире царевиче»*

© 2021 г. А.А. Доронина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1.*

E-mail: adoronina@hse.ru

Поступила 09.03.2021

Автор статьи обращается к самому «загадочному» произведению Иванова, которое стало, по существу, его интеллектуальным завещанием. Показано, что «Повесть о Светомире царевиче» представляет собой квинтэссенцию философского мировоззрения Иванова. Автор полагает, что в «Повести» находят свое художественное воплощение ключевые понятия культурфилософии Иванова: символ, миф, русская идея, стихия, а жанр произведения в значительной степени обусловлен характерным для поэтики Серебряного века обращением к фольклорному материалу в рамках модернистских литературных экспериментов и находится в тесной связи с символистской концепцией искусства Иванова. Автор отмечает особенности символизма Иванова по отношению к художественным течениям Серебряного века и утверждает, что мифологическая форма повести отражает философию мифологии Иванова, которую, таким образом, можно рассматривать как структурообразующий принцип художественного произведения. Это позволяет использовать основные понятия его символизма как герменевтические ключи к «Повести о Светомире царевиче». В заключительной части обосновывается гипотеза, что русская идея, заключенная в фольклорно-мифологическую форму, составляет основное содержание «Повести о Светомире царевиче».

Ключевые слова: Вяч. Иванов, «Повесть о Светомире царевиче», русская идея, миф, символ, Серебряный век, русский символизм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-138-144

Цитирование: Доронина А.А. «Русская идея» Вяч. Иванова в контексте его философии культуры: опыт прочтения «Повести о Светомире царевиче» // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 138–144.

---

* Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Vyacheslav Ivanov's "Russian Idea" in the Context of his Philosophy of Culture: an Attempt of Interpretation "The Tale of Tsarevich Svetomir"*

© 2021 Anna A. Doronina

National Research University "Higher School of Economics",
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: adoronina@hse.ru

Received 09.03.2021

The author refers to the most "mysterious" work of Vyacheslav Ivanov which was essentially his testament. It is shown that "The Tale of Tsarevich Svetomir" is the quintessence of Ivanov's philosophical worldview. The author maintains that some key concepts of Ivanov's cultural philosophy find their artistic embodiment in the "Tale": symbol, myth, Russian idea, element. The author examines the genre classification of the "Tale" and concludes that the Ivanov's choice of the genre of the work was determined by the use of folklore material in the framework of modernist literary experiments, which is characteristic of the poet-ics of Silver Age. The distinctive features of Ivanov's symbolism in relation to the artistic trends of the Silver Age are also indicated. The mythological form of the "Tale" reflects Ivanov's philosophy of mythology which can be therefore understood as a structure-forming principle of the artwork. This makes it possible to use the basic concepts of Ivanov's symbolism as hermeneutic keys to "The Tale of Tsarevich Svetomir". The final part of the article justifies the hypothesis that the Russian idea qua myth constitutes the main content of "The Tale of Tsarevich Svetomir".

Keywords: Vyacheslav Ivanov, "The Tale of Tsarevich Svetomir", Russian idea, myth, symbol, Silver Age, Russian symbolism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-138-144

Citation: Doronina, Anna A. (2021) 'Vyacheslav Ivanov's "Russian Idea" in the Context of his Philosophy of Culture: an Attempt of Interpretation *The Tale of Tsarevich Svetomir*', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2021), pp. 138–144.

«Повесть о Светомире царевиче» как художественно-философское произведение

«Повесть о Светомире царевиче» Вячеслава Ивановича Иванова, его magnum opus, была начата в 1928-м, когда поэт уже четыре года как жил в эмиграции. Произведение писалось с перерывами на протяжении двадцати лет, вплоть до последнего дня жизни Иванова. К тому времени были закончены пять книг произведения. Согласно воспоминаниям Ольги Александровны Шор, за два часа до смерти Иванов завещал ей, как своему близкому другу, довести до конца главную сюжетную линию «Повести» [Шор 1971, 222]. Публикация произведения состоялась в 1971 г. и в качестве завершающей части были представлены главы, написанные О.А. Шор.

Эксплицируя философское содержание «Повести», мы предлагаем рассмотреть все многообразие ее сюжетов как последовательное мифопоэтическое воплощение ивановского понимания «русской идеи» – одного из центральных концептов русской

---

* The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

мысли, который и поныне будоражит умы вследствие своей историко-философской и социально-культурной значимости.

В формулировке понятия «русская идея» («национальная идея») Иванов во многом наследует Достоевскому и Вл. Соловьеву. Вслед за Достоевским он формулирует социальный аспект русской идеи, заключающийся в преодолении «отчуждения» интеллигенции и народа, вслед за Соловьевым развивает ее «онтологический» аспект, обращая внимание на ее одновременно католический (вселенский) и национальный характер, ее универсальность и партикулярность. Несмотря на то что в связи с трактовкой темы Иванова часто относят к неославянофилам [Худушина 1998], нельзя игнорировать важные пункты расхождения мыслителя с идеями славянофилов: например, отказ от признания исключительной роли православия во вселенском процессе и осторожность в отношении суждений о миссии русского народа. В случае Иванова «русская идея» находится в прямой зависимости от его теории символизма и выстраиваемой на этом основании философии культуры.

Свою концепцию реалистического символизма Иванов рассматривал как противодействие эпохе индивидуализма в культуре и как провозвестие «новой органической эпохи». Она с самого начала выходит за рамки философии искусства, расширяясь до теории познания и философии истории. В основе символизма Вяч. Иванова лежит интуиция, выраженная формулой «a realibus ad realiora» (от реального к реальнейшему). Именно в ней заключено отличие реалистического символизма от символизма идеалистического. Техника реалистического символизма сродни Платонову принципу знания как припоминания: обнаружение в вещах (реальностях) символов божества (реальнейшего) происходит через «припоминание», которое отталкивается, однако не от содержания сознания, но от бессознательного, как индивидуального, так и коллективного. Русская идея локализована, согласно Иванову, в коллективном бессознательном народа как его «реальнейшее», как субстанциальное основание его бытия, и может быть раскрыта только теургом путем особого художественного преобразования того мифологического материала, в котором это народное бессознательное воплотилось.

«Повесть о Светомире царевиче» в контексте модернистских поисков Серебряного века

Жанровое своеобразие «Повести о Светомире царевиче», несомненно, вписывается в рамки культурного контекста Серебряного века и являет специфические черты эстетики модернизма. Нельзя не вспомнить здесь о творчестве А.М. Ремизова («Посолонь»), В.Н. Муравьева («София и Китоврас»), М.И. Цветаевой («Царь-девица»), Н.А. Римского-Корсакова («Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии»), об отдельных сюжетах художников «Мира искусства» и др. Все они делают ретроспективный неоромантический ход, очаровываясь богатством фольклорной тематики. В то же время, характеризуя интеллектуальный фон произведения, литературовед А.Л. Топорков замечает, что «Повесть соотносится с несколькими литературными традициями», в числе которых не только символистская, но и библейская, античная, средневековая, романтическая и реалистическая [Топорков 2015, 181].

«Повесть» с трудом поддается жанровой классификации, однако задача внесения ясности в это вопрос отнюдь не второстепенна – это дает ключ не только пониманию замысла Иванова, но и уточнению его позиции как теоретика. Сам Иванов определяет свое произведение как «сказание», что отсылает, прежде всего, к русской средневековой литературной традиции [Юрченко 2019], которой, как известно, присущ и жанр летописи. В этой связи обращает на себя внимание и намеренно архаизированный язык произведения. Рассматривая «Повесть» как своего рода летопись, можно понять специфическое для этого произведения соотношение вымышленного и исторического, ведь в летописи их различие носит условный характер. Летописное повествование допускает и череду авторов – такая особенность позволила О.А. Шор в конце концов решиться на продолжение «Повести» [Шор 1971, 223]. И хотя принято считать, что

произведение Иванова самодостаточно и не нуждается в завершении, нельзя не учитывать тот факт, что тема Светомира как самодержца «духовной державы» осталась не завершенной, и именно ее Иванов и просил «дописать» О.А. Шор [Иванов 2015, 60].

Философия мифологии как принцип художественного творчества

Многие исследователи подчеркивают, что «Повесть о Светомире царевиче» есть не что иное, как художественная реализация философско-религиозных, зачастую не чуждых мистике, исканий Вяч. Иванова. Например, С. Каприо замечает, что замысел Иванова состоял в инспирировании новой формы вселенского христианства путем соединения в одном произведении архаичного и модернистского, «античной мифологии и русской души» [Caprio 2017, 83]. «Сама сила дионисийского мифа» действует в «Повести», обложенной в форму одновременно «славянского эпоса и священной истории» [там же]. Эта гипотеза Каприо подтверждается соответствием замысла «Повести» исканиям Вл. Соловьева, в частности, его книге «Россия и вселенская церковь» [Шишкин 2003, 168]. Каприо сравнивает «Легенду об Антихристе» с «Легендой» («Повестью») Иванова и подчеркивает их связь, однако сразу же добавляет, что «Повесть» сопоставима и с традицией, заложенной Вагнером («Кольцо нибелунга»), Ницше («Так говорил Заратустра») и продолженной Толкиеном («Властелин колец») и т.д. [Caprio 2017, 84].

Литературовед Т. Венцлова показывает, что концептуальная сторона (ивановская теория мифа и символа) выражена не только на мета-уровне, но и непосредственно в сюжете «Повести»: «Герои повести... постоянно осмысляют различные жизненные положения в мифологических символах; более того, они интерпретируют свой собственный путь как повторение архетипа» [Венцлова 1988, 29]. Это достаточно яркая иллюстрация авторского замысла по построению нового мифа с использованием уже созданных культурой образцов. Для Иванова мировая культура – это живая материя, ищущая новой формы, и она поставляет строительные блоки для нового произведения. Иванов синтезирует самые разные ее проявления – от Священного Писания и апокрифа до немецкого романтизма, Достоевского и Соловьева. «Можно сказать, что Вяч. Иванов писал Повесть так, как он создавал свои эссе: в постоянном диалоге со своими “вечными спутниками”, с мировой литературной традицией» [Топорков 2015, 181].

Структура «Повести» отсылает к учению Иванова о символе и мифе: *символизм* есть подлинный *метод* искусства, а не просто некое течение или направление, *миф* же есть конечная *цель* этого искусства. Эпиграфом к статье Вяч. Иванова «О веселом ремесле и умном веселии» 1907 г. стали слова Сократа из «Федона»: «...я понял, что поэт – если только он хочет быть настоящим поэтом – должен творить мифы, а не рассуждения» (Phaed. 61b). Таким образом, поэт говорит сразу на двух языках – языке Аполлона и языке Диониса, – относящихся друг к другу как язык феноменального и язык ноуменального [Иванов 1974, 590]. Признавая несводимость одного к другому, Иванов полагает символизм в качестве такого третьего, «синтетического» языка.

Мифологическое может рассматриваться Ивановым как синоним символического, а миф полагается им как динамическая форма символического, как приведенная в движение реальность символа: «...ибо миф есть динамический вид (modus) символа – символ, созерцаемый как движение и двигатель, как действие и действенная сила» [там же, 593]. Подлинное дело поэта, таким образом, есть служение «народной душе» мифотворчеством (μυθολοις) при помощи уже выработанных народом символов и мифов: «Старый миф естественно оказывается родичем нового мифа» [Иванов 1979а, 76].

В «Философии мифологии» Шеллинга имеется тезис, соответствующий интуициям Иванова о значении мифологии: «...сам язык есть всего лишь потускневшая, выцветшая мифология, в нем в абстрактных и формальных различиях сохраняется то же самое, что мифология хранит еще в живых и конкретных» [Шеллинг 2013, 48]. У Иванова определение языка символизма сформулировано схожим образом, только обращено

не в прошлое, а в будущее: «Символизм кажется упреждением той гипотетически мыслимой, собственно религиозной эпохи языка, когда он будет обнимать две отдельных речи: речь об эмпирических вещах и отношениях и речь о предметах и отношениях иного порядка, открывающегося во внутреннем опыте...» [Иванов 1974, 594]. Осознавая вневременность мифологии и в то же время признавая вслед за Шеллингом факт ее развития, Иванов берется за построение нового национального культурного мифа, превосходящего узкие рамки политического.

Русская идея как мифологическое ядро «Повести»

«Русская идея» – одна из центральных тем творчества Иванова. Стремление представить ее по-настоящему живой во многом отвечает его желанию защитить восходящую к славянофилам традицию ее понимания, хотя Иванов далеко не во всем разделяет последнюю, особенно когда это касается противостояния традициям Запада или когда русская идея используется в политических, государственно-охранительных целях [Иванов 1979б, 326]. Представления Иванова о Святой Руси во многом соответствуют ее славянофильскому пониманию: Русь – это такая же умопостигаемая сущность, как, например, русский народ или русская земля.

Основываясь на этих представлениях, Иванов, как теург, ставит перед собой сложнейшую задачу – показать «реальнейшую» историю России, историю, долженствующую быть: это как бы *historia sacra*, встающая за *historia profana*. <...> «Повесть» Иванова метаисторична: в ней воплощен ивановский миф о России, избирающей не путь традиционной государственности, а путь духа...» [Венцлова 1988, 42]. Таким образом, построение мифа – это единственная возможность в рамках эмпирического бытия прикоснуться к пониманию национальной идеи.

Национальная идея, согласно Иванову, с одной стороны, уникальна и в некотором смысле самодостаточна, но, с другой – не существует отдельно от других национальных идей, не существует только сама в себе и для себя. В этой связи характерна интерпретация Ивановым убеждения славянофилов в святости лика России: оно предполагает святость и других национальных ликов, так как основано на признании общего закона метафизической (религиозной) реальности народных лиц. Поэтому Иванов уделял внимание не только русской идее, но и идее славянской. В статье «Польский мессианизм как живая сила» он называет славянство «царевичем», «таящим под одеждой простолюдина царственное сокровище» [Иванов 1985, 206].

Важно учитывать, что «идея» понимает Ивановым в духе платонизма и гегельянства одновременно: как стремление истинного бытия к осуществлению в историческом процессе. Цель не в том, чтобы измыслить ее, а в том, чтобы *помыслить*. Точно так же и «Повесть о Светомире царевиче» есть обретение, а не изобретение: перед художником стоит задача «приготовления» мифа – выбор формы и средств изложения, – в то время как собственно миф рождается самостоятельно и, как подчеркивает Иванов, своим содержанием до конца не доступен отдельному человеку, в том числе теургу, превосходя его разумение.

«Повесть о Светомире царевиче» – без преувеличения дело всей жизни Иванова – можно определить как уникальный, принципиально новый славянский эпос, который, по сути, призван показать разворачивание славянской религиозной идеи в истории.

Источники и переводы – *Primary Sources and Translations*

Аничков 2016 – Аничков Е. Последние побеги русской поэзии // В.И. Иванов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин; коммент. Е.В. Глуховой, К.Г. Исупова, С.Д. Титаренко, А.Б. Шишкина и др. СПб.: РХГА, 2016. С. 129–131 (Anichkov, Evgeny, *The Last Shoots of Russian Poetry*, in Russian).

Иванов 1974 – Иванов В.И. Заветы символизма // Иванов В.И. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 588–603 (Ivanov, Vyacheslav I., *Symbolism Covenants*, in Russian).

Иванов 1971 – *Иванов В.И.* Копье Афины // *Иванов В.И.* Собр. соч. В 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 727–734 (Ivanov, Vyacheslav I., *Athena's Spear*, in Russian).

Иванов 1979а – *Иванов В.И.* О веселом ремесле и умном веселии // *Иванов В.И.* Собр. соч. В 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 61–78 (Ivanov, Vyacheslav I., *On Joyful Craft and Intelligent Joy*, in Russian).

Иванов 1979б – *Иванов В.И.* О русской идее // *Иванов В.И.* Собр. соч. В 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 321–338 (Ivanov, Vyacheslav I., *On Russian Idea*, in Russian).

Иванов 1985 – *Иванов В.И.* Польский мессианизм как живая сила // *Иванов В.И.* Эссе, статьи, переводы. Брюссель: D. Ivanov et Foyer Oriental Chrétien, 1985. С. 201–207 (Ivanov, Vyacheslav I., *Polish Messianism as a Living Force*, in Russian).

Иванов 1990 – *Иванов В.И.* Наш язык // Из глубины: сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Московского университета, 1990. С. 145–150 (Ivanov, Vyacheslav I., *Our Language*, in Russian).

Иванов 2015 – *Иванов В.И.* Повесть о Светомире царевиче / Подг. изд. А.Л. Топоркова, О.Л. Фетисенко, А.Б. Шишкина. М.: Ладомир: Наука, 2015 (Ivanov, Vyacheslav I., *The Tale about Tsarevich Svetomir*, in Russian).

Шеллинг 2013 – *Шеллинг Ф.В.* Философия мифологии. В 2 т. Т. 1. Введение в философию мифологии / Пер. с нем. В.М. Линейкина; под ред. Т.Г. Сидаша, С.Д. Сапожниковой. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2013 (Schelling, Friedrich V., *Philosophy of Mythology*, in Russian).

Шор 1971 – *Шор О.А.* Предисловие к собранию сочинений В.И. Иванова // *Иванов В.И.* Собр. соч. В 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971 (Shor, Olga A., *Preface to the Collected works of V.I. Ivanov*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Венцлова 1988 – *Венцлова Т.* О мифотворчестве Вячеслава Иванова: «Повесть о Светомире царевиче» // *Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II. Testi in russo.* Florence, 1988. С. 27–43.

Микушевич 2002 – *Микушевич В.Б.* Софиократия по Вячеславу Иванову // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: к 135-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. С. 19–24.

Топорков 2015 – *Топорков А.Л.* «Повесть о Светомире царевиче» Вячеслава Иванова: от замысла до его воплощения // *Иванов В.И.* Повесть о Светомире царевиче. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 175–214.

Топорков 2012 – *Топорков А.Л.* Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М.: Индрик, 2012.

Худушина 1998 – *Худушина И.Ф.* Вяч. Иванов: метафизика национального самоопределения // *История философии.* 1998. № 2. С. 88–99.

Шишкин 2003 – *Шишкин А.* «Россия» и «Вселенская церковь» в формуле Вл. Соловьева и Вяч. Иванова // Вяч. Иванов – Петербург – мировая культура. Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 160–178.

Юрченко 2019 – *Юрченко Т.Г.* «Повесть о Светомире царевиче» Вяч. И. Иванова и ее интерпретации (Обзор) // *Отечественная и зарубежная литература.* 2019. № 1. С. 218–228.

References

Caprio, Stefano (2017) “Povest’ o Svetomire Tsarevice: mito e pensiero teologico”, *Dialettica tra contingenza storica e valore universale in Vjaceslav Ivanov*, Pontificio Istituto Orientale, Centro Studi V. Ivanov, Salerno, pp. 79–88.

Iurchenko, Tatiana G. (2019) ‘Vyacheslav Ivanov’s “Tale of Tsarevich Svetomir” and Its Interpretations (Overview)’, *Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura*, Vol. 1, pp. 218–228 (in Russian).

Mikushevich, Vladimir B. (2002) “Sophiocracy According to Vyacheslav Ivanov”, Takho-Godi, Aza A., Takho-Godi, Elena A., eds., *Vyacheslav Ivanov – Creativity and Destiny: to 135th Anniversary of his Birth*, Moscow, pp. 19–24 (in Russian).

Toporkov, Andrei L. (2015) ‘Vyacheslav Ivanov’s “Tale of Tsarevich Svetomir”: from Intention to Embodiment’, Toporkov, Andrei L., Fetisenko, Olga L., Shishkin Andrei B., eds., *The Tale of Tsarevich Svetomir*, Ladomir: Nauka, Moscow, pp. 175–214 (in Russian).

Toporkov, Andrei L. (2012) *Vyacheslav Ivanov’s “Tale of Tsarevich Svetomir” Sources: Ancient and Medieval Booklore and Folklore*, Indrik, Moscow (in Russian).

Hudushina, Irina. F. (1998) “Vyach. Ivanov: Metaphysics of National Self-determination”, *Istoria filosofii*, Vol. 2, pp. 88–99 (in Russian).

Shishkin, Andrei B. (2002) “Russia” and “Universal Church” in the formula of Vl. Solovyov and Vyach. Ivanov’, *Vyach. Ivanov – Saint-Petersburg – World Culture. Materials of the International Scientific Conference on September 9–11*, Vodoley Publishers, Tomsk, Moscow, pp. 160–178 (in Russian).

Venclova, T. (1988) “On the Vyacheslav Ivanov’s Myth-making: The Tale of Tsarevich Svetomir”, *Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II. Testi in russo*, Florence, pp. 27–43 (in Russian).

Сведения об авторе

ДОРОНИНА Анна Александровна – аспирантка Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

Author’s Information

DORONINA Anna A. – a postgraduate student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the HSE University, research assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of the HSE University.